

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СССР ФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА *

К. Базилевич

Вполне понятны трудности, возникающие при периодизации феодального времени в истории СССР. Периодизация должна дать такое членение исторического процесса, которое полностью отвечало бы марксистской концепции, устанавливало бы наиболее характерные особенности каждого периода, указывало бы на связь между различными явлениями исторического процесса. Периодизация должна обобщить огромный исторический материал вокруг направляющих линий развития феодального общества.

Только такая периодизация может считаться научной, которая исходит из законов общественного развития, основана на методе исторического материализма. Хотя периодизация феодального периода охватывает только один способ производства — феодальный, но нужно помнить, что «одна из особенностей производства состоит в том, что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития, причём изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, — вызывают перестройку всего общественного и политического уклада»¹. Следовательно, периодизация исторического процесса должна быть произведена в соответствии с теми изменениями, которые в рассматриваемое время происходили в состоянии производства, т. е. в состоянии производительных сил и производственных отношений.

Это положение не означает, что в вопросах периодизации не следует учитывать значения тех или иных событий политической жизни, как-то: роли государства, борьбы с внешними врагами, факторов культурного развития и других надстроечных категорий, которые во взаимодействии между собой образуют конкретную историческую ткань.

В письме к Иосифу Блоху в 1890 г. Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в конечном счёте является производство и воспроизводство действительной жизни... Если кто-нибудь это положение извращает в том смысле, что будто экономический момент является единственно определяющим моментом, то он тем самым превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают также влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму её различные моменты надстройки... Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце концов, экономическое движение как необходимое прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей»².

* От редакции. Редакция журнала открывает в настоящем номере дискуссию, посвящённую одному из основных вопросов истории — вопросу периодизации истории СССР.

Помещая в качестве дискуссионных статьи К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина, редакция ввиду спорности ряда высказанных в этих статьях положений и сложности поставленного вопроса обращается к широкой общественности советских историков с призывом принять участие в обсуждении проблемы. Отклики, представляющие научный интерес, будут публиковаться в новом разделе журнала — «Дискуссии и обсуждения».

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 115—116.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 422. Огиз. 1947.

Периодизация должна исходить из основного содержания истории как истории «производителей материальных благ», как истории трудящихся масс, как истории народов³. Поэтому в истории, а следовательно, и в периодизации исторического процесса необходимо показать, как те или другие события влияли на положение трудящихся, на формы классовой борьбы. Классики марксизма дали нам многочисленные примеры конкретного решения отдельных исторических проблем. Если бы история сводилась только к поступательному развитию способов производства, то история всех народов была бы похожа одна на другую, как две капли воды. Между тем историческая действительность бесконечно разнообразна, она образует различные сочетания элементов исторического процесса, которые хотя и не в состоянии изменить направляющего движения, но накладывают на него своеобразный неповторяющийся отпечаток. Поэтому при наличии общих закономерностей существуют национальные особенности исторического процесса.

Периодизация должна отразить современное состояние марксистской исторической науки. В последние 10—15 лет советские историки достигли в своей исследовательской работе ряда крупных успехов, неоднократно отмечавшихся премиями имени И. В. Сталина. На пути развития истории нашей Родины многие препятствия, которые недавно казались ещё трудными, преодолены. По многим принципиальным вопросам получены такие бесспорные результаты, которые не оставляют больше места для дискуссий. Однако сделано ещё далеко не всё. Для периода феодализма ещё существуют нерешённые проблемы или такие вопросы, по которым историки пока не пришли к общему решению.

В предлагаемом опыте периодизации истории русского народа в феодальное время автор, не ставя задачей охватить весь круг исторических вопросов (в частности, автор не касается собственно дофеодального периода, т. е. времени первобытно-общинного строя и начала его разложения), преимущественно останавливается на нерешённых или спорных проблемах.

Хронологические границы феодального периода установлены В. И. Лениным. В работе «Левонародничество и марксизм» Ленин писал: «Но крепостничество может удержать и веками держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век; в Китае ещё больше столетий)»⁴. Совершенно ясно, что под «крепостничеством» В. И. Ленин разумел не крепостное право, которое во весь ранний период феодализма в России не существовало, а власть землевладельца над личностью крестьянина, «внеэкономическое принуждение», существовавшее в различных формах: «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»⁵.

В течение почти десяти столетий феодализм, как общественно-экономическая формация, прошёл различные стадии развития. Он зарождается в недрах патриархально-общинного строя, затем превращается в уклад, существующий наряду с разлагающейся общиной и патриархальным рабовладением; в конце XI — начале XII в. феодальная система становится господствующей. В связи с победой феодальной системы крупнейшие изменения происходят как в состоянии территориальной общины, так и в положении рабов (холопов). При развитом феодализме не может быть абсолютно свободного крестьянского населения, не подчинённого феодальной власти и не несущего тягла феодальных повинностей. Феодальная эксплуатация осуществляется либо средствами государственной власти либо силами отдельных землевладельцев. В первом случае она выражается в виде налогов, во втором — в виде повинностей в пользу земельных собственников — князей, церкви, светских вотчинников.

Около семи веков феодальное хозяйство являлось основой всего социально-экономического порядка. Однако в течение этого времени оно не оставалось в одном, застойном состоянии, но претерпело ряд весьма существенных изменений, которые в ко-

³ См. История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

⁴ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 514.

⁵ Ленин. Соч. Т. III, стр. 140.

нечном счёте привели к его разложению и к развитию капиталистических отношений. Что же является наиболее важным в этих изменениях? Ответ может быть только один: изменения в системе производственных отношений, в формах эксплуатации. Марксистское учение о докапиталистической ренте даёт полную возможность установить главные этапы в развитии феодальных производственных отношений. Поэтому оно и должно быть положено в основу периодизации феодального периода.

«Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям,— отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определённой ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего,— вот в чём мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своём проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»⁶.

Согласно учению Маркса, феодальная рента существует в трёх видах: отработочной, натуральной, или продуктовой, и денежной. Отработочная рента является наиболее простой и первоначальной формой ренты. Рента продуктами предполагает более высокую степень развития труда. При этом непосредственный производитель более или менее располагает своим рабочим временем, хотя часть этого времени, первоначально вся избыточная часть его, принадлежит земельному собственнику. Рента продуктами, так же как и отработочная рента, предполагает натуральное хозяйство, когда «условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта». Далее, рента продуктами предполагает соединение земледелия с деревенской домашней промышленностью. Поэтому в состав ренты входит, кроме сельскохозяйственного продукта, в большей или меньшей мере продукт промышленности, т. е. крестьянских промыслов и деревенского ремесла.

При денежной ренте, которая возникает «из простого метаморфоза ренты в продуктах», прибавочный продукт полностью или частично превращается в деньги, поступающие в пользу землевладельца. Маркс указывает при этом, что непосредственный производитель (крестьянин) «утрачивает свою независимость, свою отрешённость от связи с обществом», так как часть его продукта должна быть реализована на рынке в качестве товара. Поэтому, писал Маркс, «характер всего способа производства более или менее изменяется... Сначала спорадическое, потом всё более и более приближающееся к национальному масштабу превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежного обращения». Денежная рента есть последняя форма той земельной ренты, которая как нормальная форма прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда отходит в пользу собственника условий производства, т. е. землевладельцу. «В своём дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит... или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность, или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором»⁷.

Таким образом, развитие феодальной земельной ренты, наиболее полно выражающей характер производственных отношений, позволяет выделить два основных периода в истории феодального хозяйства: период отработочной и продуктовой ренты и период возникновения и развития денежной ренты. В первом периоде феодальное хозяйство вполне сохраняет замкнутый натуральный характер, во втором — оно приспосабливается к развитию товарных и денежных отношений. Поэтому Маркс указывает, что с появлением денежной ренты происходят более или менее крупные изменения в характере всего способа производства.

⁶ К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 696—697. Госполитиздат. 1938.

⁷ Там же, стр. 701, 702, 703.

Рост крупного феодального землевладения при натуральном характере хозяйства, при слабом развитии внутренних торговых связей неизбежно приводит к феодальной раздробленности. Выделение феодальной раздробленности в качестве характерного признака феодального строя встречает возражения со стороны некоторых историков права (С. В. Юшков), которые, по явному недоразумению, приписывают историкам представление о феодальной раздробленности как раздробленности лишь политической власти. На этом основании С. В. Юшков упрекает советских историков в том, что они зависят от буржуазных историков, которые, как известно, понимали под феодализмом не способ производства, а особую форму политической власти. С. В. Юшков считает, что политическое дробление власти не являлось характерной особенностью феодального государства.

Прежде всего следует отметить, что никто из советских историков, насколько мне известно, не сводил феодальную раздробленность к формам политического строя. Феодальная раздробленность есть прежде всего понятие социально-экономическое. Оно выражает то состояние феодального хозяйства, когда оно в пределах всей страны или отдельной её части представляло собой совокупность более или менее изолированных хозяйств, почти не нуждавшихся в экономических связях между собою. Вполне понятно, что основным условием для экономической раздробленности являлось господство натурально-хозяйственных отношений. Это господство и выражалось в существовавших в то время формах ренты: отработочной и ренты продуктами. По существу, понятия феодальной раздробленности и натурального феодального хозяйства выражают одно и то же экономическое явление.

Мы думаем, что этот вопрос настолько разработан в марксистской литературе, что ни один историк, в том числе ни один историк права, не будет отрицать, что в истории феодального способа производства натурально-хозяйственные отношения предшествуют товарно-денежным, а феодальная раздробленность в экономике страны предшествует складыванию единой экономической системы.

Какая же форма политической надстройки является характерной для общества, находящегося в условиях натуральной хозяйственной и экономической раздробленности? Никто не будет отрицать, что экономическая независимость крупных феодалов приводила их к политическому обособлению от верховной власти, так как только на этой социально-экономической базе могли сложиться такие типичные феодальные институты, как иммунитет и вассалитет. Старая формула, относящаяся к положению феодального государя, окружённого могущественными вассалами, «*primus inter pares*» (первый между равными), имела совершенно реальное содержание. Можно ли считать власть подобного государя монархией, т. е. единовластием? Думаем, что нет.

Феодальная раздробленность в области политической организации общества, рассматриваемая в этнографических пределах страны, выражалась не только в разделении власти между государем и его вассалами, но и в образовании ряда феодальных полугосударств, каждое из которых представляло самостоятельный феодальный организм. При этом при наличии общих или близких форм в организации власти существовали и более или менее значительные отличия. Так, например, в России в период феодальной раздробленности существовали и княжества и боярские республики (Новгород и Псков). Поэтому Маркс подчёркивает, что один и тот же со стороны главных условий экономический базис может вызвать различные вариации политической системы вследствие бесконечно различных эмпирических обстоятельств.

На раздробленность государственной власти как на характерное явление феодализма указывают товарищи Сталин, Жданов и Киров в своих замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР. В этом конспекте были «свалены в одну кучу... самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»⁸.

Хотя раздробленность государственной власти, выражающаяся как в развитии прав иммунитета, так и в образовании множества небольших полугосударств, является характерной особенностью феодального общества, но это не исключает возможности при благоприятных условиях возникновения на феодальной социально-экономической основе, т. е. при сохранении экономической раздробленности, сильных централизованных

⁸ «На фронте исторической науки», стр. 18. Партиздат. 1936.

государств. На это обстоятельство обращает внимание товарищ Сталин, отмечая разницу в процессе образования централизованных государств на западе и на востоке Европы: «На Западе — в Англии, Франции, Италии и отчасти Германии — период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, ввиду чего там нации при своём развитии облекались в государственные формы... На востоке Европы, наоборот, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития ещё не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»⁹.

Совершенно ясно, что, устанавливая несовпадение по времени ликвидации феодальной раздробленности с образованием централизованных государств на востоке Европы, товарищ Сталин имеет в виду экономическую раздробленность страны, свойственную феодальной формации. В России эта экономическая раздробленность была преодолена только в XVII в., когда сложился всероссийский рынок.

Методологические и конкретно-исторические указания классиков марксизма дают нам все средства к тому, чтобы правильно разрешить сложный вопрос о периодизации феодализма в России. Прежде всего следует выделить два основных периода: время господства натурально-хозяйственных отношений (натуральные формы ренты: отработочная и продуктовая) и время зарождения и развития товарно-денежных отношений (денежная рента).

Время появления в России денежной ренты устанавливается вполне определённо на основании новгородских писцовых книг конца XV века. До падения самостоятельности Новгорода денежный оброк на землях новгородских вотчинников был развит ещё слабо. После перехода этих земель в руки московских помещиков денежные платежи с крестьян были значительно увеличены. Обычно денежные оброки сочетались с натуральными, но известны случаи, правда, составляющие ещё редкое исключение, когда весь натуральный оброк (продуктовая рента) был заменён деньгами. В качестве примера можно указать на владыченскую волость Белую в Бежецкой пятине. На такую же замену натуральных повинностей крестьян денежными платежами указывает Белозерская уставная грамота 1488 года. Все известные нам подобные указания в источниках относятся к последней четверти XV века. Поэтому первое крупное деление феодального периода должно быть отнесено к концу XV века. До этого времени господствовало натуральное хозяйство. С конца XV в. начинается развитие товарно-денежных отношений, которые в XVIII в. приводят к возникновению капиталистического уклада.

Выделение периода до конца XV в., как времени господства натурального хозяйства, не противоречит тому, что в XII—XIII вв., до монголо-татарского нашествия, городское ремесло, как это недавно установил Б. А. Рыбаков, достигло весьма крупных успехов и частично было связано с рынком. Однако размеры рынка были ещё очень ограниченными¹⁰.

С другой стороны, выделение периода с конца XV до середины XVIII в., как времени развития товарно-денежных отношений, не противоречит тому, что феодальное хозяйство в основном продолжало сохранять натуральный характер. Появление денежной ренты указывает на его приспособление к развивавшемуся внутреннему рынку.

Каждый из отмеченных периодов, в свою очередь, должен быть подразделён на более дробные части в соответствии с успехами экономического развития и с особенностями государственных форм. При этом нужно отрешиться от схематизма и рассматривать экономический базис и надстроечные категории так, как нас учат классики марксизма: в диалектическом взаимодействии.

Труднейшим вопросом периодизации феодального периода является вопрос о времени, когда феодальная система стала господствующей. Главная причина этой трудно-

⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 33—34.

¹⁰ См. Рыбаков Б. Ремесло древней Руси, стр. 481. М.-Л. 1948.

сти заключается в крайней скудости сохранившихся источников по социально-экономическому строю Киевского государства IX—X вв. Многие из этих трудностей в настоящее время, после ряда работ советских историков (Б. Д. Греков, С. В. Юшков, В. В. Мавродин), преодолены. К таким прочным результатам следует отнести полное и окончательное сокрушение «норманской теории», решение вопроса о роли рабовладения в хозяйстве и общественных отношениях Киевской Руси, о развитии феодальных отношений в Киевском государстве, о причинах его раздробления и др. Большинство историков согласно с тем, что Киевское государство до середины XI в. не может быть ещё названо феодальным, хотя и до этого времени в нём существовали и укреплялись элементы феодального социально-экономического и политического строя. Не вызывает в общем возражений и отнесение Киевского государства к разряду так называемых «варварских государств». Исследования Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова установили направление, в котором должно происходить дальнейшее изучение природы «варварского государства». Можно считать установленным, что в «варварском государстве» подавляющая часть сельского населения сохраняла основы общинного строя. Борьба происходила между свободной общиной и двумя возникшими в результате классового расслоения общественно-экономическими укладами: рабовладельческим и феодальным. Однако рабовладение не получило большого распространения и не стало господствующей формой эксплуатации, так как потребность в рабочей силе с развитием частной собственности и крупного землевладения удовлетворялась посредством принудительного труда не рабов. Б. Д. Греков, как нам кажется, убедительно доказал, что термин «челядь» первоначально обнимал различные категории людей, входивших в состав барской дворни, генетически связанных с патриархальной «familia». С развитием феодальных производственных отношений этот термин обнаруживает тенденцию к исчезновению¹¹. Рабовладелец и феодал соединены в это время в одном лице, хотя ни рабовладельческие, ни феодальные отношения ещё не получили законченной формы развития. Борьбу между рабовладельческими и феодальными отношениями нельзя представлять как борьбу между отдельными хозяйствами рабовладельческого и феодального типа; она происходила между рабовладельческими и феодальными элементами внутри каждого хозяйства. Нельзя поэтому согласиться с С. В. Юшковым, пытающимся установить четырёхклассовое разделение общества «варварского государства» (рабы, феодально-зависимое население, рабовладельцы, феодалы)¹². Борьба между двумя основными общественно-экономическими укладами заканчивается победой феодального способа производства.

Картина развитого, крупного феодального хозяйства в княжеском домене с полной ясностью выступает со страниц Пространной Правды, сложившейся в основном при сыновьях и внуках Ярослава. Нет сомнения в том, что боярские и монастырские хозяйства и по организации и по обслуживавшей их рабочей силе немногим отличались от княжеского домена, взятого в его узком значении. Однако необходимо было значительное время для того, чтобы феодальные отношения достигли такой степени развития, какой они достигли в конце XI и первой половине XII века. Несомненно, что в более элементарных или эмбриональных формах они существовали и в X и в IX вв., а может быть, и несколько раньше. Можно ли поэтому Киевское государство IX—X вв. относить к дофеодальному периоду только на том основании, что феодальные производственные отношения не получили в нём значения господствующей системы? Понятие «дофеодального периода» или «дофеодального государства», не отнесённое ни к одной из существующих общественно-экономических формаций, не имеет исторического смысла. Вместе с тем вполне ясно, что Киевское государство, основанное на классовом делении общества, не может быть отнесено к первобытно-общинному строю. Остаётся, следовательно, включить Киевское государство либо в рабовладельческий либо в феодальный период. В первом случае пришлось бы признать, что либо Киевское государство было рабовладельческим либо рабовладельческие отношения в нём получили впоследствии дальнейшее развитие. Ошибочность подобных представлений следует отнести к числу вполне

¹¹ См. Греков Б. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века, стр. 137—141. 1946.

¹² См. Юшков С. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве («Вопросы истории» № 7 за 1946 год, стр. 60).

доказанных положений советской исторической науки. Время Киевского государства — время генезиса феодальных отношений.

Смерть Ярослава Владимировича в 1054 г., конечно, — только случайная дата, которая сама по себе не может служить основанием для проведения хронологического рубежа между «варварским» Киевским государством и периодом феодальной раздробленности. Не является основанием для этой периодизации и «ряд» Ярослава, разделившего земли между пятью сыновьями. Мы начинаем **новый** исторический период именно с этого времени (середина XI в.) потому, что в источниках второй половины XI и начала XII в. ясно выступают глубокие изменения в социально-экономических отношениях и в политическом строе Руси. К ним относятся: развитие крупного землевладения, законодательство сыновей и внуков Ярослава, устанавливающее господство феодальных производственных отношений, усиление классовой борьбы, вылившейся в ряд открытых народных выступлений (1068, 1071, 1113 гг.), созыв княжеских съездов для решения общих дел, политическое обособление отдельных земель и проч. Все эти явления указывают на утверждение феодального способа производства и на начало феодальной раздробленности.

Ещё большие трудности, чем установление начала периода феодальной раздробленности, представляет вторая хронологическая грань, отделяющая период феодальной раздробленности от времени образования русского централизованного государства. При этом необходимо иметь в виду, как отмечалось выше, что с уничтожением политической раздробленности экономическая раздробленность полностью не исчезла, и только с возникновением всероссийского рынка произошло экономическое объединение страны. Политическая же раздробленность исчезает с образованием централизованного государства.

Основными признаками централизованного государства являются: центральные органы управления, распространяющие свои действия на всю территорию страны; развитие общего законодательства, которое поглощает или отменяет местные законы; замена вассалитета отношениями подданства; ликвидация частных иммунитетных прав, единая организация военных сил, непосредственно подчинённых верховной власти в качестве орудия его классовой, внутренней и внешней политики. Таким образом, централизованная система является новой формой государственной власти по сравнению с организацией полугосударств, существовавших во времена феодальной раздробленности. Поэтому методологическую ошибку совершают те историки, которые не замечают этих глубоких перемен, совершающихся во всех областях государственной жизни в связи с образованием централизованной системы, и подменяют процесс образования централизованного русского государства процессом объединения русских земель вокруг Москвы, т. е. включением ранее суверенных феодальных княжеств под власть великого князя московского. Киевское государство с конца IX до середины XI в. также было единым государством, князья Рюрикова дома, а также сохранившиеся кое-где не-Рюриковичи не обладали политической самостоятельностью. Тем не менее Киевское государство не было централизованным государством, так как указанными выше признаками не обладало. Поэтому Маркс и называет «империю Рюриковичей» «плохоскроенной» и «лоскутной» империей. Возьмём другие примеры. Хорошо известно, что в Тверском княжестве «уделы» были ликвидированы ещё в конце XIV века. Никто, однако, не назовет Тверское княжество этого времени Тверским централизованным государством, так как система управления в нём оставалась такой же, какой она была и до ликвидации тверских «уделов». То же следует сказать о великом княжестве Московском в конце XIV и начале XV века. Хотя к этому времени его территория значительно увеличилась (особенно в результате присоединения Суздальско-Нижегородского княжества), а политика великого князя после Куликовской битвы приняла ясно выраженный объединительный характер, однако система дворцово-вотчинного управления не только не изменилась, но на территории Московского княжества именно в это время образовался ряд новых «уделов» (Талицкий, Можайский, Верейский) и полностью сохранялись отношения вассалитета и иммунитетные права феодальных землевладельцев. Московское княжество ни при Дмитрии Донском, ни при его сыне и внуке (Василий I и Василий II) не только не являлось централизованным государством: мы не наблюдаем в это время даже в эмбриональной форме возникновения централизованной системы управления.

Совершенно ясно, что для возникновения централизованного государства необходимо наличие определённых социально-экономических и политических условий, указанных в работах классиков марксизма. Этим вопросам посвящена работа Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» (глава I «О Фейербахе») и небольшая, но крайне важная в методологическом отношении статья Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии»¹³, которую следует рассматривать как обобщение взглядов Маркса и Энгельса по данному предмету. Хорошо известно, что Маркс и Энгельс рассматривали процесс образования централизованных государств на Западе в связи с разложением феодального способа производства и возникновением капиталистических отношений. Основным условием для победы королевской власти над вассалами, стоявшими на различных ступенях феодальной иерархии, они считали развитие товарно-денежных отношений.

В историческом развитии элементы нового общественно-экономического порядка, разрушившего феодальную систему, складывались в городском хозяйстве в результате роста общественного разделения труда. Поэтому Маркс и Энгельс придавали такое большое значение развитию средневекового ремесла и укреплению товарно-денежной системы.

«Ещё задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты выстрелами новых орудий, их основы были подрывы деньгами»¹⁴ — не подавленные феодальными повинностями крестьяне, а свободное городское население являлось проводником экономического прогресса. При господствующей феодальной системе сельское хозяйство, несмотря на всю его важность в экономической жизни страны, не могло стать областью развития новых общественных отношений; ею были города. В то время как феодальный мир был погружён в бесконечные раздоры, кругом вырастали города, окружённые прочными стенами: «За этими стенами и рвами развилось средневековое ремесло, — правда, достаточно пропитанное бюргерской цеховщиной и мелочностью, — накапливались первые капиталы, возникла потребность взаимного общения городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью создавались также и средства охраны этого общения (Verkehr)»¹⁵. Таким образом, развитие экономического общения при помощи торговли (других средств экономического общения, кроме торговли, в рассматриваемое время быть не могло), на почве общественного разделения труда являлось необходимым условием для политического объединения страны под главенством сильной королевской власти, способной обуздать своеволие вассалов. Маркс и Энгельс указывали, что «объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов»¹⁶. В то же время королевская власть в её действиях, направленных на прекращение междоусобной войны между феодалами и на защиту страны от нападения внешних врагов, находила поддержку со стороны не только городского, но и сельского населения¹⁷.

Особенность процесса образования централизованных государств на востоке Европы, как указывает товарищ Сталин, заключалась в том, что и на востоке Европы он был ускорен борьбой против внешней опасности. Однако было бы ошибкой понимать это указание товарища Сталина в том смысле, что в образовании централизованных государств на востоке Европы фактор экономического развития не имел значения.

В письме к тт. Цветкову и Алыпову товарищ Сталин указывает: «У меня ни в докладе, ни в тезисах¹⁸ ничего не сказано об образовании централизованного государства в России *не* в результате экономического развития, а в интересах борьбы с монголами и другими народами Востока» (см. ваше письмо). За это противопоставление должны отвечать вы, а не я. У меня говорится лишь о том, что процесс образования централизованных государств на востоке Европы ввиду необходимости обороны шёл

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1, стр. 440—450.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I, стр. 442.

¹⁵ Там же, стр. 440.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 15.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1, стр. 443.

¹⁸ Имеются в виду доклад и тезисы товарища Сталина на X съезде РКП(б) в 1921 году.

быстрее процесса складывания людей в нации, ввиду чего и образовались здесь многонациональные государства раньше ликвидации феодализма»¹⁹.

Едва ли необходимо доказывать, что в экономике русских феодальных княжеств в первой половине XIV в. не было ни одного условия из числа тех, которые указаны классиками для образования централизованного государства. Отсутствие денежной ренты служит весьма убедительным показателем господства натурального хозяйства. Русская денежная система возникла не ранее конца 60-х годов этого столетия (в Московском и Суздальско-Нижегородском княжествах, в других ещё позже). Следовательно, рыночная система была слабо развита.

Не было также и политических условий, необходимых для образования централизованного государства. Иван Калита, много сделавший для усиления Московского княжества, прекрасно понимал невозможность открытой борьбы с Золотой Ордой; перед его глазами был пример неудачного восстания в Твери в 1327 г., в разгроме которого он сам принимал непосредственное участие. Территория Московского княжества при Иване Калите почти не изменилась. Земельные приобретения Ивана Калиты на территории других княжеств носили не государственный, а частнохозяйственный характер: они предназначались для увеличения княжеской вотчины, по своей организации мало чем отличавшейся от крупной боярской вотчины. В действиях Ивана Калиты в отношении к другим княжествам совершенно незаметно стремлений к уничтожению местных княжеских династий. Иван Калита ограничивался вассальным подчинением этих князей своей власти. Хорошим примером могут служить Углич, Галич и Белоозеро, которые Дмитрий Донской называл «куплями» своего деда. Между тем в Галиче местные князья сидели до 1362—1363 гг., а в Белоозере — почти до смерти Дмитрия Донского.

Попытка отдельных историков рассматривать деятельность Ивана Калиты как начало образования централизованного русского государства основана на полнейшем недоразумении и находится в противоречии как с указаниями классиков марксизма о социально-экономических и политических условиях, необходимых для образования централизованных государств, так и с конкретно-историческим материалом, относящимся к этому периоду. Не говоря уже о том, что эти историки не различают политического объединения при сохранении старой, т. е. действовавшей в период феодальной раздробленности, формы государственного строя от образования новых форм централизованного государства, в начале XIV в. не было условий и для уничтожения суверенитета «великих» и «удельных» князей. Фактической ошибкой является утверждение этих историков, будто после княжения Ивана Калиты число «удельных» княжеств стало уменьшаться. В действительности наибольшее число «уделов» на территории великого княжества Владимирского образовалось в 50—60-х годах XIV в.; продолжали они образовываться и в конце этого столетия и даже в начале XV в., когда навстречу этому процессу раздробленности шёл, всё более и более усиливаясь и преодолевая его, процесс ликвидации «удельных» княжеств и быстрого расширения великого княжества Московского.

Считая несостоятельной попытку отнести начало образования русского централизованного государства ко времени Ивана Калиты, мы не отрицаем большого прогрессивного значения его деятельности, в которой видим существенный успех по усилению Московского княжества, обеспечивший за ним преобладание среди других русских княжеств и поэтому игравший крупную роль в последующем процессе объединения русских земель вокруг Москвы. По существу, в борьбе с Тверью уже при Иване Калите был решён исторический спор между Тверью и Москвой о том, какому из этих двух крупнейших политических центров феодально-раздробленной Руси суждено было стать в будущем государственным центром объединения всей Северо-Восточной Руси.

Для установления времени окончания феодальной раздробленности и начала нового периода развития единого, централизованного государства большое значение имеет междоусобная война при Василии Тёмном. Борьба, происходившая между Василием Васильевичем и Юрием Дмитриевичем Галицким за великое княжение, впоследствии далеко вышла за свои первоначальные рамки и охватила в той или иной степени всю

¹⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 176.

территорию будущего русского государства. На последнем этапе этой войны, после возвращения в 1445 г. Василия Васильевича из татарского плена, династический вопрос отступил на второй план перед общим политическим вопросом — о существовании суверенных «удельных» княжеств. Именно в это время мы наблюдаем резкое разделение противников на два лагеря. Во главе одного из них стоит Василий Васильевич, во главе другого — Дмитрий Шемяка, поддержанный почти всеми «удельными» князьями. Планы этих князей с полной ясностью раскрываются из договора, заключённого между Дмитрием Шемякой и суздальскими князьями Василием и Фёдором Юрьевичами в то время, когда Дмитрий Шемяка, согнав Василия Васильевича, занял московский великокняжеский престол. Договор предусматривал восстановление Суздальско-Нижегородского княжества в том размере, в каком оно существовало в период наивысшего подъёма при суздальско-нижегородском великом князе Дмитрие Константиновиче. Суздальские князья должны были сохранить все свои суверенные права, в том числе и право самостоятельных сношений с Золотой Ордой. Великий князь не имел права посылать в Суздальское княжество своих приставов и держать в нём своих «закладней»²⁰.

Важнейшим результатом победы Василия Васильевича над Дмитрием Шемякой и его союзниками была ликвидация большинства «удельных» княжеств; часть «удельных» князей была согнана, часть, потеряв владельческие права, превратилась в обычных служебных князей. В исторической литературе значение этого события недостаточно оценено, а между тем оно сыграло крупнейшую роль в завершении политического объединения русских земель.

Успешное окончание внутренней феодальной войны ясно обнаружило перевес центростремительных сил над центробежными силами русского феодального общества и подготовило полное торжество объединительной политики Ивана III.

Хотя в начале княжения Ивана III территория великого княжества Московского значительно уступала по размерам территории земель, сохранявших феодальную самостоятельность (великие княжества Тверское и Рязанское, Новгородская и Псковская боярские республики, остатки Ярославского и Ростовского княжеств), но Ивану III удалось в поразительно короткий срок (двадцать с небольшим лет) фактически закончить политическое объединение всех русских земель. В 1480 г., после неудачного похода Ахмата на реку Угру, были навсегда уничтожены последние остатки зависимости от Золотой Орды. Энгельс писал, что «в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III»²¹.

Объединение русских земель и освобождение их от иноземной власти завоевателей составляли основное условие для возможности развития централизованной государственной системы. Поэтому все важнейшие мероприятия Ивана III в этой области относятся ко времени после 70-х годов XV века. Как установил Л. В. Черепнин, в 80-х годах московское правительство проводило политику сведения «удельных» князей на положение зависимых прекарных держателей своих уделов. Соответствующим образом изменялись формуляры докончальных и духовных грамот. Одновременно производилась большая кодификационная работа, на основе которой разрабатывался судебник 1497 года²². К последним двум десятилетиям XV в. относятся возникновение поместной системы и образование центральных административно-судебных учреждений — приказов и т. д. Конечно, отдельные предпосылки преобразований на новых началах государственной власти существовали и в 70-х годах этого столетия, но их следует отличать от массовых мероприятий последующего времени, придававших внутренней политике Ивана III вполне определённый и устойчивый характер.

Изложенные соображения позволяют провести хронологическую грань, отделяющую конец феодальной раздробленности от начала образования централизованного государства в середине 80-х годов XV века.

Внутри периода феодальной раздробленности (середина XI — середина 80-х годов XV в.) следует произвести дальнейшие подразделения в соответствии с важнейшими

²⁰ Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д). I. № 62.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I, стр. 450.

²² См. Черепнин Л. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., стр. 447, 460. 1948.

явлениями социально-экономического развития и политическими событиями. Необходимо прежде всего выделить первый этап феодальной раздробленности, когда феодальная система утверждалась на всей территории Руси. Развитие феодального хозяйства происходило неравномерно. В среднем Приднепровье и в Новгородской земле крупное феодальное землевладение возникло раньше, чем на периферии Киевского государства, к которой в XI в. относилось и окско-волжское междуречье. Правда, мы имеем очень мало данных для изучения этого процесса в отдельных землях Киевского государства в XI и первой половине XII века. Однако усиление местного боярства, на которое княжеская власть то опирается, то вступает с ним в острый конфликт (Андрей Боголюбский), является достаточным признаком роста его экономической силы, основанной на крупном землевладении. Значительно полнее изучена история городов этого времени. После новейших исследований Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского, И. Н. Воронина, М. К. Каргера, М. Н. Тихомирова и др. не остаётся сомнений в том, что с конца XI до середины XIII в. происходил значительный подъём местных производительных сил. По наблюдениям Б. А. Рыбакова, русское ремесло в XI—XII вв. совершенствовало свою технику, стараясь обеспечить массовый выпуск продукции. В XII—XIII вв. количество специальностей городских ремесленников неуклонно возрастало: в некоторых городах XII—XIII вв. насчитывалось свыше 60 специальностей. В XIII в. создаётся ряд новых ремесленных центров со своими особенностями в технике и стиле. Никакого упадка до середины XIII в. не наблюдается, наоборот, русское ремесло в XII—XIII вв. достигло наиболее полного технического и художественного расцвета²³. Важно отметить, что эти наблюдения касаются не только старых киевских городов, но и тех городов, которые до XI в. не играли сколько-нибудь заметной роли. Хорошо известно, что именно в XII и в первой половине XIII в. появилось много новых городов; усиленным «градостроительством» занимались и Юрий Долгорукий, и Андрей Боголюбский, и Всеволод Юрьевич.

Вместе с тем города того времени выступают с типично феодальными чертами, с резким членением на аристократическую часть — «гору» — и поселение свободных ремесленников и торговых людей — «подол». На «горе», защищённой валами и крепостной стеной, образуются владельческий и политический центры. «Подол», в большинстве случаев неукреплённый, превращается в экономический центр окружающей территории, хотя величина последней ещё и не велика.

Подъём местных производительных сил привёл к выделению большего числа более или менее обособленных в экономическом отношении районов, связь между которыми была незначительной. Внутренняя торговля не утратила в основном менового характера. Денежная система была развита очень слабо. В связи с этим необходимо отметить, что попытка в XI—XII вв. чеканить собственную монету в некоторых княжествах не увенчалась успехом, и выпуск русской чеканной монеты прекратился после смерти Владимира Мономаха²⁴.

Таким образом, в течение двух столетий, с середины XI до середины XIII в., складывается та система экономической раздробленности, которая просуществовала, постепенно ослабляясь, до развития товарно-денежных отношений на основе общественного разделения труда и образования всероссийского рынка. В это же время усиливается и политическая раздробленность, приведшая к обособлению ряда феодальных полугосударств. Буржуазные историки (Соловьёв, Ключевский), отрицавшие существование феодализма в России, считали «удельное» дробление особенностью Северо-Восточной Руси. В действительности первые самостоятельные феодальные княжества появились в западной половине Киевского государства. Очень рано стало обособляться Полоцкое княжество, затем Черниговское, Переяславское, Галицкое, Смоленское, Новгородская боярская республика. Властная политика Владимира Мономаха и его сына Мстислава I привела только к временному усилению киевской великокняжеской

²³ См. Рыбаков Б. Ремесло древней Руси, стр. 521. М.-Л. 1948.

²⁴ По исследованию А. В. Орешникова, деньги чеканили: Ярослав Мудрый (Новгород), Изяслав Ярославич (Киев), Святополк Изяславич (Киев), Владимир Всеволодович Мономах (Киев, Чернигов, Переяславль), Ярополк Изяславич (Вышгород) и Олег Святославич (Тмутаракань). Монеты, которые раньше нумизматы относили к Владимиру Святославичу, по мнению А. В. Орешникова, принадлежат Владимиру Мономаху (Орешников А. Денежные знаки домонгольской Руси. М. 1936).

власти. После смерти Мстислава II (1132) процесс политического дробления возобновился с возрастающей силой. Летописец метко охарактеризовал это время: «разодрася вся земля русская».

Во второй половине XII в. и в начале следующего столетия была сделана ещё одна попытка скрепить на новых началах политическое единство Руси. На этот раз она исходила не из Киева, а из быстро выраставшего молодого города Владимира на Клязьме. Новым в политике Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича по сравнению с борьбой за единство киевской державы при Владимире Святославиче и Ярославле Мудром было признание владельческих прав за отдельными князьями и подчинение их великокняжеской власти на основе вассалитета. Однако, как показали события, эти средства при данных условиях оказались недостаточными. Северо-восточным князьям не только не удалось восстановить единое феодальное государство Руси с новым политическим центром во Владимире взамен разорённого Киева, но не удалось создать и на северо-востоке прочного государства. Уже при сыновьях Всеволода Юрьевича появляются отчетливые признаки дробления самого великого княжества Владимирского. Закладываются основы той политической системы, которая во второй половине XIII в. определилась как система великого княжества Владимирского в виде непрочного союза под главенством великого князя северо-восточных русских княжеств и Великого Новгорода.

В середине XIII в. в жизнь русского населения вторгается грубая иноземная сила — монголо-татары. Русскому народу суждено было пройти через величайшие исторические испытания в таких размерах, в каких им не подвергался ни один из европейских народов в течение всего средневековья. Мы далеки от мысли придавать монголо-татарскому завоеванию то значение, какое ему придавалось в дворянской и буржуазной историографии, традиционно, со времени Татищева и Шербатова, делившей историю Руси на домонгольский и монгольский периоды: Завоевание русских земель монголо-татарами не внесло каких-либо принципиальных изменений ни в социально-экономические отношения, ни в политический строй Северо-Восточной Руси. Развитие системы великого княжества Владимирского явилось продолжением и углублением тех начал, которые проявились до похода Батые. Однако факт завоевания нельзя игнорировать, так же как нельзя игнорировать самоотверженную борьбу русского народа за своё освобождение, вызванную этим завоеванием. Нельзя не помнить, что историческое развитие не есть непрерывное поступательное движение вперёд, что общие законы развития проявляются в конкретной исторической действительности. С этой точки зрения необходимо рассмотреть влияние на исторический процесс трёх главных явлений этого времени: экономического разорения, вызванного нашествием Батые и господством Золотой Орды, оформления политической системы великого княжества Владимирского и борьбы русского народа за освобождение от монголо-татарского ига.

Поход Батые привёл к колоссальному уничтожению производительных сил. В словах северного летописца, что в Суздальской земле не осталось «ни места, ни веси, ни села», которого не разорили бы монголо-татары, не было никакого преувеличения. Все сколько-нибудь значительные города были разрушены и сожжены. Ряд городов исчез с этого времени (например, старая Рязань); Владимир так и не смог оправиться от страшного погрома и потерял своё прежнее экономическое значение. Но дело было не только в почти одновременном разрушении большинства городов: политика Золотой Орды была вообще враждебна городам. Есть основание предполагать, что значительное число ремесленников было уведено в Золотую Орду. Этим объясняется тот факт, что в развалинах Сарая и других золотоордынских городов находим не только предметы русского ремесла, но и соответствующие орудия производства. Поэтому русские города были лишены основного условия для восстановления экономической жизни и развития — мелкопромышленного ремесленного производства.

По наблюдению Б. А. Рыбакова, во второй половине XIII в. по целому ряду производств можно проследить полное забвение сложной техники, огрубение и опрощение ремесленной промышленности²⁵. Татары Золотой Орды весьма неодобрительно относились к укреплению русских городов и при каждом возможном случае их уничтожали. При этом уничтожались и располагавшиеся под стенами детинца торгово-ремесленные посады и слободы. В целом господство Золотой Орды над русскими землями приводило

²⁵ См. Рыбаков Б. Указ. соч., стр. 534.

на протяжении около двух столетий к систематическому уничтожению производительных сил. К этому присоединялось ограбление населения посредством взимания дани, которая всей своей тяжестью также ложилась на его производительные слои. Эти условия консервировали натуральное хозяйство и тормозили развитие товарно-денежных отношений. Поэтому феодальный период в России затянулся на длительный срок.

Крупное значение для рассматриваемого периода имело оформление политической системы великого княжества Владимирского. Как отмечалось выше, эта система стала зарождаться ещё до нашествия Батые. По существу, она представляла попытку преодолеть противоречия между образованием суверенных феодальных полугосударств и необходимостью в общих интересах поддерживать военно-политическое единство под главенством великого князя.

Властители Золотой Орды приняли эту систему в том виде, в каком она сложилась к моменту завоевания русских земель, но сделали попытку поставить её на служение собственным интересам. Для этого они хотя и признавали старшинство великого князя Владимирского — Батый сказал Ярославу Всеволодовичу: «Ярослав, буде ты старей всем князем в русском языке», — но укрепили самостоятельность каждого из русских князей, которые получали отдельные ярлыки на княжение и имели право непосредственных сношений с Золотой Ордой.

Отношение золотоордынских ханов к великому князю не оставляет сомнения в том, что в Орде его пытались рассматривать, с одной стороны, как представителя на Руси ханской власти, а с другой — как средство для поддержания несогласия между русскими князьями. Передача в конце XIII в. сбора «выхода» в руки великого князя неизбежно должна была приводить его к столкновениям с местными князьями, лишавшимися одного из источников своих доходов. С поразительной ясностью эту политику Золотой Орды определил Маркс: она заключалась в том, чтобы «натравливать русских князей друг на друга, поддерживать несогласия между ними, уравнивать их силу и никому из них не давая усилиться»²⁰. Однако наперекор этой политике власть великого князя постепенно становится силой, объединяющей феодально-раздробленные русские земли для борьбы с Золотой Ордой.

Уже в действиях Александра Ярославича Невского мы усматриваем тенденцию к укреплению единства Северо-Восточной Руси при внешнем признании власти Золотой Орды. Крупнейший полководец своего времени и выдающийся исторический деятель, победитель ливонских рыцарей и их союзников, Александр Ярославич хорошо понимал невозможность при сложившихся условиях открытого сопротивления Золотой Орде. Но он уже стал на тот путь, по которому пошли его преемники, обращая силу завоевателей против них самих; в этом отношении Александра Ярославича нельзя не рассматривать как предшественника Ивана Калиты.

Дальнейшее развитие объединительной тенденции мы наблюдаем и в политике тверского князя Михаила Ярославича и московского князя Ивана Даниловича Калиты. Не случайно Михаил Ярославич не удовольствовался титулом только «великого князя», а присоединил к нему многозначительную приставку «всея Руси». Великим князем «всея Руси» именовался и Иван Калита. Борьба между Тверью и Москвой за «великое княжение» в исторической перспективе представляла спор о том, какому из этих городов, Твери или Москве, надлежало заменить упавшее значение старого стольного Владимира в качестве политического и церковного центра Северо-Восточной Руси. В действиях московских и тверских князей в течение всей этой сорокалетней борьбы ещё не наблюдается никаких принципиальных отличий. Собственные силы обоих противников примерно были равными. При открытом столкновении в 1318 г. тверичи нанесли сильное поражение москвичам, причём в число пленных попала даже супруга Юрия Даниловича. Но московские князья братья Даниловичи оказались более искусными политиками. Ивану Калите удалось превратить хана в «послушное орудие в своих руках, посредством которого он освобождается от опаснейших своих соперников и одолевает любое препятствие, встающее на победоносном шествии его к узурпации власти. Он не захватывает уделов, но незаметным образом поворачи-

²⁰ К. Marx. The secret diplomatic history of the Eighteenth century.

чивает власть татар-завоевателей на служение исключительно его собственным интересам»²⁷.

Не впадая в буржуазный психологизм, нельзя пытаться проникнуть в неизвестные нам мысли Ивана Калиты, чтобы ответить на вопрос: рассматривал ли он Московское княжество как основу будущего единого русского государства? В оценке исторического значения его деятельности мы должны исходить из марксистского анализа конкретной исторической действительности. А эта действительность в первой половине XIV в. была такова, что не допускала возможности создания единого, а тем более централизованного государства. Иван Калита стремился превратить всех русских князей в своих вассалов, не нарушая самой системы политической раздробленности великого княжества Владимирского. Хотя Иван Калита действовал, как подчёркивает Маркс, исключительно в своих собственных интересах, т. е. в интересах господствующего класса Московского княжества, но объективно результаты его политики имели большое прогрессивное значение.

Принимая во внимание ту роль, которую сыграла Москва в последующем объединении русских земель, историю Московского княжества с начала XIV в., его развития и усиления следует особо выделить в пределах данного раздела. В своём приветствии по поводу празднования 800-летия Москвы товарищ Сталин писал: «Заслуга Москвы состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством»²⁸.

Борьба с монголо-татарами Золотой Орды развивалась по двум направлениям: одно — стихийное сопротивление широких народных масс, вылившееся в отдельные, потопленные в крови восстания (восстание в 1262 г. в Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле, Переяславле, восстание в 1327 г. в Твери и др.), другое — противодействие завоевателям со стороны великокняжеской власти. Совершенно ясно, что одно стихийное народное движение при экономической и политической раздробленности страны не могло привести к успеху так же, как не могло иметь успеха выступление против Золотой Орды великого князя, если бы оно не опиралось на вооружённую силу народа. Оба направления в освободительной борьбе слились в последней трети XIV века. То, что было не под силу Ивану Калите, стало вполне возможным для его внука, Дмитрия Донского. Но это произошло потому, что вся экономическая и политическая обстановка изменилась в сторону, благоприятную для объединительной и освободительной политики великого князя.

Третий раздел периода феодальной раздробленности мы начинаем поэтому концом 60-х годов XIV в. и оканчиваем серединой 80-х годов XV века. Буржуазные историки в действиях Ивана Калиты, Дмитрия Донского и даже Ивана III не видели разницы, как не видели перемен и во внутреннем состоянии Московского княжества, которое в их представлении сливалось с великокняжеской вотчиной. Поэтому весь процесс образования русского государства сводился ими к процессу «возвышения Москвы». Московское государство, утверждали они, выросло, как из зерна, из «отчины» сыновей Даниила Александровича, которая расширялась до тех пор, пока не охватила все северо-восточные русские земли.

Марксистские историки не могут следовать этим методологически ошибочным путём. Придавая большое значение укреплению Московского княжества как экономической и политической основы для сложения единого русского государства и высоко оценивая историческую заслугу Москвы, которая, как указывает товарищ Сталин, была и остаётся инициатором создания русского централизованного государства, они обязаны в свете указаний классиков марксизма об условиях образования централизованных государств рассматривать весь процесс в целом, во всех его проявлениях и на всей территории Северо-Восточной Руси.

Прежде всего следует отметить многие признаки значительного экономического оживления, наступившего во второй половине XIV в., в особенности с конца этого столетия. Изучая историю русского ремесла, проф. Б. А. Рыбаков пришёл к заключению, что после сильного падения, вызванного погромом монголо-татар, именно в это время начинается новый расцвет ремесленного производства, восстанавливается вре-

²⁷ Там же.

²⁸ «Правда» № 235 от 7 сентября 1947 года.

менно забытое искусство скани и выемчатой эмали, появляются меднолитейные мастерские для художественного литья, начинают применять массивное литьё, требующее сложного оборудования (колокола, впоследствии пушки), возникает сложное бурение солевых скважин, появляется водяной двигатель (водяные мельницы) в промышленности, быстро развивается каменное зодчество и т. д.²⁹

На основе этих явлений общественного разделения труда укрепляются элементы внутреннего товарооборота и расширяются внешние торговые связи. Развитие внутренней торговли привело к чеканке собственной монеты мелкого достоинства. В Московском княжестве чеканка монет началась, повидимому, в первые годы княжения Дмитрия Донского. Почти одновременно собственные монеты появились в Суздальско-Нижегородском княжестве при Дмитрии Константиновиче (1365—1383) и в Рязанском княжестве при Олеге Ивановиче (1350—1402). В конце XIV или в начале XV в. монеты стали чеканиться в Ростовском княжестве (князья Андрей Фёдорович и Александр Константинович), в начале XV в. — в Твери (Иван Михайлович) и в тверских уделах. Таким образом, в течение 50—60 лет собственная денежная система возникла во всех русских княжествах, причём раньше других она появилась в наиболее крупных из них. Позже других к чеканке собственной монеты перешёл Новгород, что объясняется его значительной внешней торговлей и приливом иностранной мелкой монеты.

В вопросе о степени развития товарно-денежных отношений в это время интересные наблюдения можно сделать над составом монетных кладов. Оказывается, что до середины XV в., за небольшим исключением, клады состоят из монет какого-либо одного великого княжества и его «уделов» (Московское, Тверское, Суздальско-Нижегородское, Рязанское). Монеты других, даже соседних великих княжеств встречаются в виде исключения. Клады, относящиеся ко второй половине XV в., обычно включают монеты самых разнообразных мест чеканки. Таким образом, состав кладов до некоторой степени отражает процесс расширения рыночных связей.

Развитие ремесленной промышленности и торговли привело к значительному росту посадского населения. Князья усиленно основывают посады и слободы. По данным С. Б. Веселовского, в середине XV в. существовало 286 слобод (без городских), население которых состояло из ремесленников и торговых людей. В обстановке этого экономического подъёма Москва начинает играть роль связующего экономического центра, быстрое развитие которого не могли остановить новые страшные опустошения. Московские посады были полностью уничтожены Тохтамышем в 1382 году. Однако всего через 10—15 лет московский посад не только вполне оправился от погрома, но занял ещё большую территорию. К концу столетия вся местность, включавшая район будущего Китай-города, была уже заселена.

Этим успехам в экономическом развитии соответствовали изменения в политическом строе всех русских феодальных полугосударств. К началу XV в. политическая карта Северо-Восточной Руси значительно упростилась. Сохранились только четыре крупных государственных образования (Московское, Тверское, Рязанское и Великий Новгород), внутри каждого из которых происходило успешное преодоление феодальной раздробленности.

В истории Тверского княжества важным рубежом является время Михаила Александровича (1366—1399), который вёл почти непрестанную борьбу с младшими тверскими князьями. При нём, после уничтожения Кашинского и Холмского «уделов», было, собственно, закончено объединение всех тверских земель под властью тверского великого князя. Ещё больших успехов достигла объединительная и властная политика Бориса Александровича (1425—1461), которого местный книжник и патриот инок Фома именует даже «самодержавным государем». Есть основание предполагать, что эти крупные политические успехи были достигнуты Борисом Александровичем в результате борьбы с боярской знатью, посредством выдвижения менее родовитых людей. Тот же инок Фома сообщает: «А князю же великому Борису Александровичу власть примше тверского чиновачальства гордя с власти сверже, а смиренные на престоле с собою посади, но и еще же и иныя власти не покоряющаюся ему, но покорно сотвори»³⁰.

²⁹ См. Рыбаков Б. Указ. соч., стр. 695—696.

³⁰ Лихачёв Н. Инок Фомы слово похвальное. Спб. 1908.

Менее выпуклый, но такой же характер носила объединительная политика рязанских великих князей. Очень большие успехи были достигнуты при Олеге Ивановиче (1350—1402). Внешняя опасность, угрожавшая рязанским рубежам и со стороны Золотой Орды и со стороны Литвы, сплотила вокруг Олега Ивановича мелких рязанских князей: пронских, елецких, козельских, муромских. Однако Рязанское княжество не в состоянии было одновременно вести тяжёлую борьбу с внешними врагами и противостоять возрастающим требованиям Москвы, помощь которой становилась всё более и более необходимой. Накануне потери самостоятельности в Рязанском княжестве уничтожением «удельного» пронского княжества завершился процесс внутреннего объединения.

В Новгородской боярской республике, в соответствии с особым характером её политического строя, процесс усиления центральной власти протекал со значительным своеобразием по сравнению с русскими феодальными княжествами. Хотя в Новгороде не было «уделов», но новгородские пригороды проявляли такую же тенденцию к обособлению, как «удельные» княжества в других русских землях. В середине XIV в. это вполне удалось Пскову и к началу XV в. — Вятке. Усиление центральной власти в Новгороде произошло путём образования коллективного органа землевладельческой знати, который до известной степени сглаживал противоречия внутри правящего слоя новгородского боярства. Так, сложившийся в начале XV в. «совет господ» состоял из 200—300 представителей боярства. Усиливалась и связь пригородов со столицей боярской республики.

Таким образом, усиление центральной власти (великих князей и боярского правительства в Новгороде) было общим явлением для всех русских земель, сохранивших политическую самостоятельность. Но существовало глубокое, принципиальное отличие в объединительной политике московского великого князя и остальных «великих князей». Последние ставили своей целью уничтожение политической раздробленности внутри своих княжеств и усиление своей независимости в качестве суверенных государств. Объединительная политика московских великих князей, начиная с Дмитрия Донского, носила одновременно и внутренний, московский, и общерусский характер. Внутри Московского княжества она подавляла самостоятельность «удельных» князей; за пределами собственно Московского княжества она была направлена на уничтожение других феодальных государственных образований на русской территории, т. е. всё больше и больше становилась на путь образования единого русского государства. В связи с этим важно отметить, что в конце XIV и в первой половине XV в. никто из других князей больше не посягал на общерусскую власть: все усилия Новгорода, Твери и Рязани в это время были направлены лишь на укрепление своей независимости. Поэтому политика московского великого князя в отличие от политики его соперников носила глубоко прогрессивный характер.

Выше мы рассмотрели те новые экономические условия, которые способствовали успеху объединительной политики Москвы. Однако, взятые сами по себе, они были недостаточными для полной ликвидации феодальной раздробленности. Огромную историческую роль сыграла Москва в народно-освободительной борьбе с Золотой Ордой. В отношении Золотой Орды Дмитрий Донской применял совершенно другие средства, чем его предшественники по московскому княжению. Если его дед и отец старались отводить ханский гнев от Москвы, чтобы под покровом внешнего спокойствия накапливать силы, то Дмитрий Донской бросает Орде открытый вызов. Предшественники Дмитрия Донского, старавшиеся уладить мирным путём все недоразумения с Золотой Ордой, не нуждались в помощи со стороны других русских князей; наоборот, одним из условий успеха этой политики был отказ от «одиначества», которое не потерпела бы ещё грозная ханская власть.

Открыто враждебная Золотой Орде политика Дмитрия Донского была выражением общерусских интересов. Она могла рассчитывать на успех только при единении всех основных русских сил. Открытая борьба с татарами-завоевателями была несовместима с феодальной раздробленностью, она требовала незамедлительного образования централизованного государства. Поэтому победа на Куликовом поле, одержанная при участии почти всех русских земель, окончательно укрепила за Москвой значение общерусского политического центра, будущей столицы русского государства.

Весьма крупную роль Москва сыграла в развитии великорусской (русской) народности. Народность — ещё не нация. В развитии устойчивой общности населения она представляет собою этап, предшествующий образованию наций. Поэтому в ней нет ещё всех четырёх признаков (общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры), присущих нации, складывающейся в эпоху поднимающегося капитализма. Однако элементы нации — язык, территория, экономическая и культурная общность — создавались, как указывает И. В. Сталин, исподволь, ещё в докапиталистический период³¹. Эти элементы в большей или меньшей степени можно проследить в образовании великорусской народности к середине XV века. Не менее выдающееся значение принадлежит Москве в создании общерусской культуры, выраженной в литературе, зодчестве и живописи.

Может возникнуть вопрос: не следует ли весь этот период с конца XIV в. отнести ко времени образования русского централизованного государства? Мы считаем, что хотя он и связан органически с последующим периодом образования централизованного государства и составляет необходимый и непосредственный этап по пути к нему, но всё же особенности каждого из этих периодов — объединение русских земель вокруг Москвы и образование русского централизованного государства — побуждают их разделить, не нарушая, разумеется, единства исторического процесса. Для возникновения централизованной государственной системы необходимо было объединение страны путём уничтожения всех других русских феодальных полугосударств, стремившихся к обособленному и независимому существованию. Только окончание внутренней феодальной войны при Василии Тёмном создало необходимые условия для полного торжества объединительной политики московского князя.

Хотя централизованное русское государство создавалось на феодальной социально-экономической основе, но самая эта основа претерпела значительные изменения под влиянием развития товарно-денежных отношений. В последней четверти XV в., как отмечалось выше, появилась денежная рента. Одновременно начинает расти барская запашка. Если в более раннее время при небольшой собственной пашне землевладелец мог обходиться почти исключительно трудом посаженных на землю холопов, то с её ростом в XVI в. привлечение к несению барщины крестьян стало совершенно необходимым. Барщина теперь была нужна не только для удовлетворения внутренних потребностей феодального хозяйства, для прокормления многочисленной челяди боярского двора, но и для получения избытка хлеба, который обращался в рыночный товар. Таким образом, феодальное хозяйство начинает приспосабливаться к рынку. Развитие денежной ренты и барщины означало для крестьян значительное усиление феодальной эксплуатации. В этих условиях прежние средства внеэкономического принуждения, находившиеся в руках феодалов-землевладельцев, были уже недостаточны. На помощь должен был прийти аппарат принуждения классового государства. Это и создаёт крепостное право, т. е. наиболее тяжёлую форму эксплуатации. «Основной признак крепостного права тот, — указывает В. И. Ленин, — что крестьянство... считалось прикреплённым к земле, — отсюда произошло и самое понятие — крепостное право»³². Развитие крепостного права растянулось на полтора столетия. Закон о Юрьеве дне в судебниках 1497 и 1550 гг., введение «заповедных лет» в 1581 г., установление «урочных лет» для сыска и возвращения беглых крестьян в 1597 г., дальнейшее увеличение числа «урочных лет» в 1607, 1637, 1642 гг. и, наконец, закон о крестьянской крепости в Соборном уложении 1649 г. — таковы самые основные этапы в развитии крепостного права. Только сильная власть, имевшая в своём распоряжении централизованный аппарат, могла так расправиться с крестьянами, как расправилось с ними царское правительство в XVI—XVII веках. Дальнейшие изменения в положении крестьян в течение XVIII в. (слияние холопов с крепостными крестьянами, практика продажи крестьян без земли и отдельно от семьи, указы о крестьянах Екатерины II и пр.) не вносили чего-либо принципиально-нового в содержание крепостного права по Соборному уложению, которое до 1832 г., несмотря на многие изменения и дополнения, продолжало оставаться действующим законом.

³¹ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 336.

³² Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 370.

Таким образом, по наиболее важному показателю феодального способа производства — по производственным отношениям между крестьянами и землевладельцами — ясно выделяется период с конца XV до конца XVII века.

Если денежная рента и барщина создали крепостное право, то, с другой стороны, развитие денежной ренты и барщины было обусловлено сложением внутреннего рынка. Предпосылки образования общего для всей страны всероссийского рынка имелись ещё в конце XV в. и значительно увеличились в течение XVI века³³. Между ростом рыночной системы и развитием централизованного государства происходило диалектическое взаимодействие. Если усилившееся экономическое общение на основе общественного разделения труда облегчало государственное объединение всех русских земель, то и, наоборот, развитие централизованного государства оказывало сильное воздействие на развитие общерусской рыночной системы. Однако, несмотря на успешное развитие товарно-денежных отношений, несколько задержанных сильнейшим разорением 70-х годов XVI в. и последствиями польско-литовской и шведской интервенций в начале XVII в., несмотря на рост посадского населения, на усилившиеся торговые связи между городами, на появление множества мелких сельских торжков, на развитие внешней торговли, экономическая раздробленность не была полностью преодолена, пока в XVII в. не сложился всероссийский рынок.

Придавая образованию внутреннего рынка большое значение, В. И. Ленин писал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»³⁴. Работы ряда советских историков, использовавших богатый материал таможенных книг, — С. В. Бахрушина, Н. А. Баклановой, Н. В. Устюгова, автора настоящей статьи и др. — на огромном фактическом материале полностью подтвердили указание В. И. Ленина, что сложение всероссийского рынка произошло в XVII веке. Таким образом, и по второму важному признаку экономического развития должен быть выделен период — конец XV — конец XVII века.

Обратимся к рассмотрению государственного строя этого времени. В самом общем виде он может быть определён как централизованное государство. Однако степень централизации и форма централизации бывают различны. Централизация управления в русском абсолютистском государстве XVIII в. была более полной, чем в русском государстве XVI—XVII веков. Так же и форма государственной власти в XVI—XVII вв. была иной, чем при Петре I и его преемниках.

Главным признаком централизованного государства является наличие общих органов управления, распространяющих свою власть на всю государственную территорию, как то: высшей законодательной и административной власти, суда, финансовых учреждений, военной системы. Поэтому система централизованного государства несовместима с существованием частных иммунитетов, по которым функции государственной власти находились в руках отдельных феодальных землевладельцев. В России централизованное государство возглавлялось самодержавным монархом. Однако централизованная система и самодержавный строй представляют различные явления, хотя и связанные между собой в историческом развитии. В ответе на письмо тт. Цветкова и Алыпина товарищ Сталин писал: «В докладе у меня речь идёт не об образовании «самодержавного строя» в России, а об образовании централизованных многонациональных государств на востоке Европы (Россия, Австрия, Венгрия). Нетрудно понять, что это две различные темы, хотя и нельзя считать их оторванными друг от друга»³⁵.

Фундамент русского централизованного государства был заложен в конце XV и в начале XVI в., при Иване III и Василии III. Однако не следует преувеличивать достигнутые в это время успехи, хотя они и имели большое принципиальное зна-

³³ Бахрушин С. Предпосылки «всероссийского рынка» в XVI веке («Учёные записки» Московского государственного университета, вып. 87-й. М. 1946).

³⁴ Ленин. Соч. Т. 1, стр. 73.

³⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 176.

чение для последующего развития централизованной системы. Без них были бы невозможны реформы Ивана IV, придавшие централизованной системе ту форму, которая без значительных изменений сохранилась до конца XVII в. и была ликвидирована только при Петре I.

При изучении развития русского централизованного государства нельзя, разумеется, отрывать его от классового базиса, которым было служилое дворянство. Централизованная система выростала в жесточайшей борьбе с реакционной княжеско-боярской знатю. Победа царской власти в этой борьбе была бы невозможной, если бы царская власть не опиралась на более мощную силу, чем высшая феодальная аристократия, на многочисленный, хорошо организованный слой мелких служилых землевладельцев. Поэтому существенным явлением в истории централизованного государства было развитие поместной системы.

В вопросе о происхождении поместной системы у наших советских историков все ещё нет полной ясности. Правда, никто уже не выводит русское поместье из византийского права, как это делали некоторые буржуазные историки. Но существует тенденция не связывать поместное землевладение с развитием централизованного государства, а относить поместное землевладение к значительно более раннему времени (С. В. Юшков). В этом случае, очевидно, происходит смешение двух понятий: поместья, как формы условной феодальной собственности, и поместного землевладения, как способа массового материального обеспечения служилых людей (детей боярских и дворян), как системы, возможной только при централизации власти. Нет сомнения в том, что условная феодальная собственность в различных формах и названиях существовала наряду с полной земельной собственностью со времени развития феодального землевладения. Владение такой землёй без права её отчуждения обуславливалось «службой». Однако слово «служба» имело различное значение, которое изменялось с течением времени. В период феодальной раздробленности служба означала вассалитет. Получив землю от князя или другого земельного собственника на основе права условного владения, держатели этой земли должны были выполнять вассальные обязанности по отношению к своему сеньору. Помещик конца XV в. и последующего времени — не вассал, а подданный московского государя. Он никуда не мог отъехать, и его служба кончалась либо со смертью либо в результате старости, болезни и увечий. Только по явному недоразумению можно зачислять известного Бориса Воркова, про которого Иван Калита в духовной грамоте писал, что дал ему купленное село в Ростове, «аже имет сыну моему которому служить, село будет за ним, не имет ли служить детям моим, село отимут», в разряд «помещиков» XIV века. Совершенно ясно, что в данном случае речь шла не о подданстве Бориса Воркова, а его вассальных обязанностях, которые он в любой момент мог прекратить.

Вторым отличительным признаком поместной системы было массовое испомещение служилых людей, в некоторых случаях носившее принудительный характер и подчинённое военно-политическим задачам. Так, при Иване III, после конфискации боярских и церковных вотчин в Новгородской земле, туда было отправлено до 2 тысяч московских помещиков, представителей измельчавших княжеских и служилых родов, детей боярских (основная часть помещиков) и послужилцев опальных бояр. В свою очередь, около тысячи новгородских вотчинников было поселено на поместном праве в старых московских уездах, преимущественно вблизи восточной московской границы (в Нижегородском уезде). Такую же военно-политическую цель преследовало заселение в XVI в. помещиками южной пограничной полосы.

Третьим, основным признаком поместной системы было установление «окладов» и «дач» с последующей регламентацией военной обязанности помещика. Все эти отличительные признаки поместной системы появились при Иване III и получили полное развитие при Иване IV. Характерно, что самое слово «поместье» встречается впервые в источниках только в конце XV века. Сближение поместий с вотчинами к середине XVII в., нашедшее отражение в Соборном уложении 1649 г., было уже началом разложения поместной системы.

Весьма показательными для развития феодального централизованного государства являются те изменения, которые произошли с иммунитетными правами частных землевладельцев. В период феодальной раздробленности, когда, выражаясь словами

Маркса, «высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»³⁶, крупные вотчинники обладали всей административной и судебной властью. Сохранившиеся жалованные грамоты начала XV в. относятся уже к тому времени, когда иммунитетные права стали ограничиваться. Интересно отметить, что эти ограничения раньше появились в грамотах московских великих князей, чем у тверских, ярославских и др. Но и в ограниченном виде иммунитет, предоставлявшийся крупным вотчинникам, ставил их в особо привилегированное положение по сравнению с многочисленным слоем детей боярских. Дальнейшее ограничение иммунитета происходило путём сужения иммунитетных прав и вместе с тем распространения иммунитета на всех землевладельцев. Распространение иммунитета на помещиков произошло при Иване III. В связи с этим был выработан общий формуляр несудимых грамот, выдача которых прекратилась в 1554 году. Выдача тарханных грамот, устанавливавших податной иммунитет, прекратилась, по наблюдениям С. Б. Веселовского, около 1506 г.; прекращение выдачи жалованных грамот означало не ликвидацию иммунитета, а превращение его в сословные права всего класса феодальных землевладельцев³⁷. В таком виде иммунитет не только уживался с системой централизованного государства, но являлся одним из средств для усиления самодержавной власти государя, так как расширял его социальную опору.

Иную политику московские великие князья, начиная с Ивана III, проводили в отношении суверенных прав «удельных» князей. Как известно, Иван III пользовался каждым представлявшимся случаем для сокращения числа «уделов», принадлежавших его родным братьям и ближайшим родственникам. Не ограничиваясь этой мерой, он в 80-х годах произвёл, как недавно выяснил Л. В. Черепнин, общий пересмотр формуляров договорных и духовных грамот в сторону установления большей зависимости от великокняжеской власти. Иван IV докончил то, что начал его дед, — Владимир Андреевич Старицкий был последним «удельным» князем.

Очень большая работа по образованию централизованной государственной системы была проведена в области объединения местных законов и создания единых правовых норм. Исследование С. В. Юшкова об источниках Судебника 1497 г. привело автора к заключению, что значительная часть его статей была результатом нового правотворчества. Из 68 статей Судебника (по изданию Владимирского-Буданова) 9 было заимствовано из Двинской и Белозёрской уставных грамот, 11 статей — из Русской Правды и Псковской Судной грамоты. «Мы настаиваем, — пишет С. В. Юшков, — на значении Судебника как памятника, ярко отражающего черты нового экономического и социально-политического строя. Мы полагаем, что издание Судебника 1497 г. составляет почти такую же эпоху в истории русского права, как эпоха Русской Правды, Псковской Судной грамоты и проч.»³⁸. Действительно, значение Судебника, вводившего единое судопроизводство и судопроизводство, вносящего новые начала в уголовное и гражданское право, было огромно. Он служил одним из самых действенных средств в деле централизации государственной власти. Именно в этом же направлении с ещё большими результатами действовал Судебник 1550 г. царя Ивана IV.

Рассмотренные явления в области общественно-экономического и политического развития позволяют подойти к решению вопроса о характере политического строя русского государства с середины XV до конца XVII века. Централизованная государственная система может быть построена либо на бюрократических началах либо на участии в государственном управлении сословных групп. В первом случае исполнительные и судебные государственные органы действуют при помощи армии чиновников, образующих ряд степеней в соответствии со своим служебным положением. Во втором случае сословия участвуют в управлении или путём выборного представительства или путём назначения верховной властью на те или другие должности лиц из определённых сословий. Бюрократическая система управления является одним из характерных признаков абсолютистского государства и в рассматриваемое время

³⁶ К. Маркс. Капитал. Т. 1, стр. 339. М. 1949.

³⁷ См. Веселовский С. Указ, соч., стр. 132.

³⁸ Юшков С. Судебник 1497 г. («Ученые записки» Саратовского государственного университета. Т. V, вып. 3-й. 1926.)

сложиться не могла, хотя элементы её, несомненно, имелись. Верховная власть была стеснена рядом феодальных институтов, во многом определивших форму государственной организации.

В период феодальной раздробленности государственная власть великого князя в тех случаях, когда она выходила за узкие границы дворцово-вотчинного управления, была ограничена советом его ближайших вассалов (бояр), состав которых менялся в зависимости от характера дел. В централизованном государстве Боярская дума (название, данное в позднейшей исторической литературе, в источниках оно не встречается) превратилась в сословное учреждение высшей феодальной аристократии, но состав его устанавливался великим князем, так как входить в Боярскую думу могли лишь «думные чины», получавшие их по особому пожалованию (бояре, окольничие, с конца XVI в. думные дворяне). Введение в Боярскую думу думных дворян расширяло сословный состав этого учреждения и вносило в него элементы бюрократизации. В ещё большей степени эти элементы вносили думные дяки.

До середины XVI в. местное управление держалось на наместниках-кормленщиках, назначавшихся из состава боярской аристократии. Ограничение кормлений началось при Иване III: уменьшение срока кормлений, дробление кормлений на части путём выделения отдельных доходных статей (как, например, таможенных пошлин), предоставлявшихся разным кормленщикам или великокняжеским сборщикам. Разрушение системы кормлений, являвшейся типичным институтом времени феодальной раздробленности, завершил Иван IV в результате проведения земской реформы. Эта реформа, передававшая местное самоуправление в руки выборных представителей высшего слоя посадского населения в городах и «мирским людям» (крестьянам) в черносозных волостях, одновременно расширяла основной базис государства и создавала более тесную связь между провинцией и центральными учреждениями — приказами. С введением приказно-воеводского управления в начале XVII в. земские учреждения были лишены какой-либо самостоятельности.

Наиболее полно принцип сословного представительства был проведён в отношении земских соборов, всегда являвшихся основным аргументом для доказательства существования в России сословно-представительной монархии. Вопрос этот не новый: ещё в конце прошлого столетия он был поднят Н. Павловым-Сильванским, который считал земские соборы тождественными по их природе с французскими генеральными штатами, немецкими ландтагами, испанскими кортесами, шведским риксдагом, польским сеймом и даже отчасти с английским парламентом³⁹. В последнее время С. В. Юшковым сделана попытка пересмотреть этот вопрос с марксистских позиций исторического материализма. Он также пришёл к выводу, что формой государственного строя России с середины XVI до середины XVII в. была сословно-представительная монархия.

Нельзя, конечно, отрицать, что общие закономерности исторического процесса приводят в разных странах к близким результатам. Однако нельзя забывать и того, что общие закономерности проявляются в конкретной исторической обстановке, которая накладывает свой отпечаток на те или иные явления. Земские соборы действительно строились на основе сословного представительства, хотя этот принцип далеко не был таким полным, как в западных сословно-представительных учреждениях. Затем круг деятельности земских соборов был значительно уже, чем на Западе, и собирались они только тогда, когда это считала нужным верховная царская власть. Достаточно отметить, что за время Ивана IV, которого считают создателем сословно-представительной монархии, Земский собор собирался только один раз (1566). В число земских соборов как сословно-представительных учреждений мы не можем включать ни весьма сомнительный собор 1550 г., ни те совещания с боярством, высшим духовенством, приказными людьми и стольным дворянством, которые царь Иван производил в 1549—1550 годах. Земский собор в 1598 г. был вызван особой причиной — прекращением династии. Земские соборы в начале царствования Михаила Фёдоровича (1613—1622) также не являются характерными для сословно-представительных учреждений как постоянно действующей системы, так как правительству новой дина-

³⁹ См. Павлов-Сильванский Н. Феодализм в древней Руси. стр. 131. Спб. 1907.

стии после окончания крестьянской войны и изгнания интервентов, в условиях страшного разорения страны, необходимо было опереться на широкие слои двух основных сословий — дворянства и посадского населения. После того как правительство Романовых окрепло, оно тотчас прекратило на десять лет созыв Земского собора, пока новые чрезвычайные обстоятельства — война с Речью Посполитой за Смоленск — не побудили его вновь обратиться к Земскому собору. Все остальные соборы 30-х — начала 60-х годов также собирались по чрезвычайным обстоятельствам. Последние два земских собора (в 1651 и 1653 гг.) обсуждали вопрос о присоединении Украины и войне с Речью Посполитой. Таким образом, земские соборы никак нельзя рассматривать как постоянные сословно-представительные учреждения, входившие в систему государственного строя. Созыв Земского собора — это чрезвычайная мера, применение или неприменение которой полностью зависело от самого царского правительства.

Мы думаем, что нет достаточных оснований к тому, чтобы определять государственный строй России с конца XV в. (или с середины XVI в. — С. В. Юшков) как сословно-представительную монархию. Однако, учитывая роль сословий в государственном управлении, следует её назвать сословной феодальной монархией. Разница в этих двух названиях, кажущаяся на первый взгляд незначительной, имеет в действительности принципиальное значение. Форма сословно-представительной монархии предполагает ограничение верховной власти в пользу господствующих сословий (Франция, Германия, Польша и др.). В России сословия не только не ограничивали царскую власть, но служили средством к усилению её, к централизации государственной системы. Это вполне соответствует особенностям русского исторического процесса.

Внутри рассматриваемого периода (с конца XV до конца XVII в.) необходимо произвести дальнейшие подразделения. Прежде всего следует выделить время образования централизованного государства. Выше мы видели, что это был единый процесс развития, исходившего из тех начал, которые были заложены во второй половине XV века. При Иване III Боярская дума принимает тот вид, который она в общем сохраняет и в последующее время; появляются первые приказы, составляется первый судебник, начинается ограничение кормлений, отмирают частные иммунитеты и т. д. Прообразом соборов было совещание Ивана III с его братьями, боярами, воеводами и «всеми воями» в 1471 г. перед выступлением в поход на Новгород. Прообразом опричнины явились ликвидация всего крупного и среднего вотчинного землевладения в новгородских пятинах и переселение новгородских вотчинников в старые московские уезды.

Концом этого периода следует считать ограничение опричнины после 1572 года. Уничтожив большинство пережитков феодальной раздробленности и разгромив реакционную часть боярства, опричнина окончательно укрепила централизованную государственную систему. Деятельность Бориса Годунова, продолжавшего политику Ивана Грозного, не внесла ничего принципиально нового в формы государственного устройства.

В конце XV и начале XVI в. русское государство ещё не было многонациональным. Удельный вес нерусского населения в нём был крайне невелик. К тому же это население, рассеянное на огромных пространствах северного Поморья, сохраняло ещё патриархально-общинный строй; оно не образовало ещё у себя классового общества и не сложилось в «национальности». Образование крепкого русского государственного ядра было необходимым условием для последующего возникновения многонационального государства. Товарищ Сталин указывает, что в России «роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»⁴⁰. В середине XVI в., в результате присоединения Казанского и Астраханского ханств, удельный вес нерусского населения значительно повысился. Процесс превращения русского государства в многонациональное, начавшийся в середине XVI в., был в основном завершён к концу следующего столетия.

Следующий раздел должен быть посвящён крестьянской войне и борьбе русского народа с польско-литовской и шведской интервенциями. Содержание этой ча-

⁴⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 304.

сти не вызывает сомнений, и поэтому мы на ней не останавливаемся. Некоторые неясности возникают только в отношении хронологических границ. Работы советских историков (Б. Д. Греков, И. И. Смирнов и др.) установили закономерные причины крестьянской войны, её огромный размах и её предпосылки, заключавшиеся в условиях развития феодального хозяйства, в росте феодальной эксплуатации и крепостнической зависимости. Последнее десятилетие царствования Ивана Грозного прошло под знаком нарастающей классовой борьбы. Сильнейшее экономическое разорение страны в 70-х годах XVI в., отмена церковных тарханов, появление «заповедных лет», перепись 1582—1592 гг., указы о крестьянах и кабальных холопах 1597 г. — такова цепь связанных между собой событий, которые готовили открытие возмущения крестьян против феодальной эксплуатации и крепостного права⁴¹. Поэтому последнюю четверть XVI в., в течение которой усиливались острые классовые противоречия, нельзя отрывать от времени развития крестьянской войны в начале следующего столетия. Обычно этот раздел кончали освобождением Москвы народным ополчением Минина и Пожарского. Изгнание интервентов завершилось в 1618 г. (Деулинское перемирие). Только после освобождения всей русской территории стало возможным восстановление разрушенного хозяйства и расстроенной государственной системы.

Третий раздел этого периода (1618—1676) охватывает основное время царствования Михаила Фёдоровича и царствование Алексея Михайловича. Он заканчивается крестьянской войной под предводительством Степана Разина и её ближайшими последствиями. Хотя на основной территории крестьянские восстания были подавлены к концу 1671 г., но «бунташное время» ещё продолжалось. Отзвуком крестьянской войны было восстание в Соловецком монастыре (1669—1676), в который бежали «пущие мятежники» после гибели Степана Разина. Подавление этого восстания хронологически совпадает с концом царствования Алексея Михайловича. Крестьянская война расшатала устои сословной феодальной монархии и оказала огромное влияние на внутреннюю политику московского правительства последующих лет. Она обнаружила слабость классового аппарата государственной власти и показала необходимость серьёзных реформ в направлении развития абсолютистской системы. В 1682 г. было окончательно отменено местничество. В начале 80-х годов была предпринята реформа податного обложения, разрабатывалась крупная военная реформа, были отменены губные старосты и т. д. Все эти реформы явились предпосылками преобразовательной деятельности Петра I.

С конца XVII в. начинается «новый период» в истории России. Основным его содержанием в области социально-экономического развития было всё усиливавшееся противоречие между феодально-крепостническим строем и развитием товарно-денежных отношений, между производительными силами и производственными отношениями. Образование всероссийского рынка происходило на базе значительного развития общественного разделения труда и роста товарного производства. Одновременно появляется географическое разделение труда: отдельные города и целые районы специализируются на определённых отраслях производства. Развивается крупная мануфактурная промышленность. Все эти явления, свидетельствующие о росте производительных сил, значительно усиливаются в первой четверти XVIII века. В. И. Ленин, указывая, что «примерно с XVII века» начинается новый период русской истории, отметил как новое явление этого периода создание буржуазных связей.

При Петре мануфактурная промышленность резко двинулась вперёд в результате нажима со стороны правительственной власти. Это было «своеобразной попыткой выскочить из рамок отсталости». Обращая преимущественно внимание на те отрасли промышленности, которые были связаны со снабжением армии и постройкой флота, Пётр в то же время прилагал большие усилия к поднятию всего мелкого и особенно крупного производства. Было бы, однако, неправильным видеть в этих заботах Петра искусственное насаждение мануфактур. Можно не сомневаться в том, что все меро-

⁴¹ Предпосылки крестьянской войны прекрасно показаны И. И. Смирновым в его новом исследовании «Восстание Болотникова». Л. 1949.

приятия в этой области были бы тщетными, если бы они не были подготовлены экономическим развитием страны, если бы не существовало развитое ремесло, не были накоплены капиталы в сфере торгового обращения, не сложился внутренний рынок. Все эти условия для развития крупной промышленности появились к концу XVII века.

При всём этом феодально-крепостнический строй являлся сильнейшим тормозом для роста крупной промышленности. Методы феодальной эксплуатации находились в остром противоречии с состоянием производительных сил. Известно, что сам Пётр не только сознавал преимущества вольнонаёмного труда, но рядом указов пытался перевести на него отдельные отрасли промышленности. Однако в данных условиях эта задача оказалась невыполнимой. Выход, в конце концов, был найден в издании в 1721 г. закона о приписных крестьянах.

Несмотря на то что феодально-крепостническая система не обнаруживала ещё признаков разложения, в недрах её уже с конца XVII в. возникали зачатки капиталистической формации, т. е. спорадически появлялись элементы новых общественно-экономических отношений. Вопрос о том, существовали ли в первой четверти XVIII в. зачатки капиталистического производства, не мог быть решён без детального изучения относящегося к этой проблеме массового материала источников. Нам кажется, что в результате интересных работ Е. И. Заозерской о петровской промышленности этот вопрос можно считать разрешённым⁴². Зачатки нового производства никогда не появляются одновременно во всей экономической системе страны, на всей её территории. Они сначала появляются там, где успели сложиться наиболее благоприятные условия. Естественно, что вотчинная мануфактура не только в начале XVIII в., но и в конце его ещё полностью основывалась на подневольном труде крепостных крестьян. В ином положении находился её конкурент — купеческая мануфактура. По данным Е. И. Заозерской, 70—75% рабочих московских мануфактур при Петре I происходило из наиболее свободных в условиях феодального строя слоёв населения: посадских, солдатских детей, разночинцев. Наёмный труд в московской лёгкой промышленности решительно преобладал над трудом зависимых или крепостных людей. Конечно, состав рабочей силы на московских мануфактурах не является типичным для всей петровской промышленности. Но это как раз соответствует условиям зарождения новой общественно-экономической формации, элементы которой возникают спорадически.

Концом рассматриваемого периода следует считать середину XVIII века, так как во второй половине столетия зачатки капиталистической формации превращаются в капиталистический уклад. Шестидесятые годы XVIII в. являются преддверием к новой большой крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачёва. Появляются признаки начавшегося разложения феодально-крепостнического строя⁴³.

Новым явлениям в общественно-экономическом развитии России с конца XVII в. соответствуют изменения в её политическом строе. «Русское самодержавие XVII века — с боярской Думой и боярской аристократией, — писал Ленин, — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещённого абсолютизма»⁴⁴. Феодально-сословная монархия перерождается в абсолютистское дворянское государство. Признаками абсолютистской системы служат бюрократическая система управления, постоянная и единая система налогов, регулярная армия. В XVI и в первой половине XVII в. верховная власть принуждена была широко привлекать представителей разных сословий (по выбору и по назначению) для службы в органах государственного управления. Абсолютизм располагает развитым бюрократическим аппаратом, состоящим из находящихся на постоянной службе чиновников. Пётр I по «табели о рангах» 1722 г. разделил всех чиновников на 14 классов, вне зависимости от их классового происхождения и сословной принадлежности. Благодаря этому верховная власть получила некоторую самостоятельность

⁴² См. Заозерская Е. Мануфактура при Петре I. Изд. АН СССР. 1947. Мы имели возможность ознакомиться с рукописи с обширной монографией того же автора «Развитие лёгкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века».

⁴³ Вопросам периодизации истории капиталистических отношений посвящена статья Н. М. Дружинина.

⁴⁴ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 18.

по отношению к господствующим классам, хотя, конечно, служила их интересам. При абсолютизме значительно усиливается централизация всей государственной системы. На это указывает В. И. Ленин: в средние века, в эпоху московского царства, «государство распалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое»⁴⁵.

Ясные признаки развития абсолютистской системы появляются во второй половине XVII века. В это время окончательно прекращается созыв земских соборов; происходит некоторая перестройка приказного управления, усиливаются бюрократические элементы в Боярской думе; появляются и несомненно бюрократические учреждения — Тайный приказ; появляются элементы регулярной армии. В целом в преобразовательной деятельности московского правительства в XVII в. намечается тот путь реформ, по которому с большой решительностью и энергией пошёл Пётр I. Однако при несомненной связи, существующей между преобразованиями Петра и его предшественников в общих целях и задачах, реформы Петра нельзя рассматривать как прямое продолжение и расширение деятельности его отца и брата, царя Фёдора. События в начале царствования Петра показали невозможность подновить и приспособить старую государственную машину к новым задачам. Петр сломал её до основания и поставил на её место новый аппарат власти, значительно более сильный, стройный и гибкий. Такой же решительной была военная реформа Петра; она полностью придала русской армии регулярный характер (единая система комплектования, единая организация и вооружение, однобразное строевое обучение, общий воинский устав, казарменное содержание войск и т. д.) и выдвинула её на первое место среди лучших европейских армий того времени.

Очень важным моментом в развитии абсолютистской государственной системы явились классовые восстания начала XVIII в.: восстание Кондратия Булавина (1707—1708), Астраханское восстание (1705—1706), восстание в Башкирии (1705—1711). Подобно тому как крестьянская война под предводительством Степана Разина явилась ответом народных масс на усиление феодально-крепостнического гнёта, завершая предшествующий период, так классовые восстания в начале XVIII в. открыли время напряжённой преобразовательной деятельности Петра I по усилению самодержавной власти и централизованного государственного порядка в интересах класса помещиков и нарождающегося класса купечества. Поэтому время Петра I (1689—1725), при котором происходит окончательное сложение абсолютистского государства, следует особо выделить в пределах данного раздела.

В итоге рассмотрения основных вопросов, относящихся к периодизации феодального периода в России, можно разделить его на три части: господство натурального хозяйства (отработочная и продуктовая рента) — IX — конец XV в.; зарождение и развитие товарно-денежных отношений (денежная рента) — конец XV — середина XVIII в.; разложение феодального хозяйства и возникновение капиталистических отношений — середина XVIII — середина XIX века. Первый раздел включает зарождение феодальных отношений (Киевское государство) и феодальную раздробленность (система феодальных полугосударств). Во втором разделе выделяются два периода: образование и развитие русского централизованного многонационального государства (конец XV — конец XVII в.) и образование абсолютистского государства (конец XVII — середина XVIII в.). Выше были изложены основания для более подробных подразделений в соответствии с классовой борьбой, общественно-экономическими отношениями и важнейшими событиями политической жизни.

Таким образом, наиболее крупные (основные) периоды выделены по признаку развития производительных сил и производственных отношений. Вторая шкала перио-

⁴⁵ Ленин. Соч. Т. I, стр. 73.

дизации учитывает изменения в политической структуре феодального общества. Этой двойной шкалой устанавливается связь между общественно-экономическим развитием и формами государства. Третья, низшая шкала должна дать дальнейшую детализацию в соответствии с наиболее характерными для каждого подразделения явлениями исторического процесса. В этом мы видим осуществление единых принципов периодизации.
